

1. Гейдар АЛИЕВ

Гейдар Алиев сделал шаг и вышел из тени на ослепительную политическую сцену, где в крови и хаосе завершилась драма, именующая Народным фронтом. Шесть лет назад он ушел в эту тень, отравленный в опалу Горбачевым, под удлинённые «демократов», поносимый и оскорбляемый, как символ последнего периода СССР, которому в лабораториях перестройки уже был выписан рецепт смерти. Государственный, прошедший все иерархии партии и администрации, знающий тайные и явные законы, по которым развивалась великая сверхдержава, владеющий тонкими и глубокими механизмами регулирования, азербайджанец, понимающий современную формулу международного мира, он был устраним Горбачевым как препятствие на пути замышляемого «Карабаха», на пути сокращения государства. Он, с чьим именем связано не только жесткое управление республикой, но также и ее расцвет, строительство величественного нового Баку, создание суперкомбината в Сумгаите, нефтяной бум Каспия, он, как изгнанный, ушел в родную Нахичевань, где занял малое, почти незаметное для большого мира положение провинциального лидера.

За эти годы взорвался Советский Союз, Карабах смел потенциал двух республик. Упал в политический отстойник Горбачев. Народный фронт Азербайджана, этот азиатский аналог «Демроссия», превратил цветущую страну в хаос, экономическую пустыню, в поле боя, в омерзительное торжище, где грабилось нажитое народом богатство.

Необходимо было полное отторжение народа от беспринципных политиков, предательство на фронте, когда продажные министры за армянские деньги оставили без боя Шушу и Лачин, откуда была боя в Гяндже, куда Эльчибей, Президент и лидер Народного фронта, послал войска, чтобы те убили Сурета Гусейнова, оппозиционного полковника, — весь этот стусок трагедий был необходим, чтобы Алиев сделал свой шаг и вышел из тени под ослепительный проектор, имя которому «национальная катастрофа».

Я приехал в Баку и три дня не мог поладить с Гейдаром Алиевым, занятым технологической властью. Шла сессия медиалиса. Слушался доклад комиссии, расследовавшей события в Гяндже. Председательствовал Алиев. По телевизору я наблюдал его действия. Поднимался на трибуну виновники кровопролития, вчерашние кумиры, витии, кто полтора года не исчезал с телевизионных экранов, учил, утешал, разблажал, клеймил. Сейчас они были растеряны, подавлены, Лепетали, мямляли, с трудом, под давлением свидетелей, признавали вину. Называли имя главного виновника — Эльчибея. Алиев, искусный психолог, подводил каждого к саморазоблачению, отбирал у каждого его потенциал власти, снижал его уровень, лишал властного мифа, развенчивал облик, создаваемый лживым телевидением. Он разрывал одну за другой нити, связывающие их с центром власти, замыкал эти нити на себя, ибо он был теперь в этом центре, создавал первую хрупкую структуру разрушенного управления. Было видно, как трудно ему, каково терпение и выдержка требовались от семидесятилетнего политика. Он дивляло им в этот момент не горькое, не чувствительное, а точнейший расчет политика, переживавшего управление подбитого, горящего самолета.

Четверо главных «фронтоников», недавние Председатели Верховного Совета Иса Гамбаров, премьер-министр Панах Гусейнов, чины МВД и службы безопасности были арестованы. Они послышали войска в Гянджу. Они были повинны в смерти сорока человек. Тогда же был вялый митинг Народного фронта, нарушавший режим чрезвычайного положения, установленного самим же Эльчибеем. Этот митинг был рассеян, а штаб-квартира фронта, куда «фронтонники» полтора года назад въехали с помощью вышвырнувших на улицу правящую компартию, — этот штаб был сначала закрыт, а потом передан городским властям.

Стремительно менялась власть — с каждым часом, с каждым выпуском новостей. Общество, утомленное, деморализованное, утратившее надежду, вяло идущее на поводу у случая, само стремительно менялось. Эй-

фория интеллигенции, как всегда, из одних иллюзий выпадает в другие. Угрожал уверенности военных, требовавших возмездия виновным. Осторожная надежда рабочего люда, утомленного бесцелью и нищетой. Страх либералов, боящихся за свои посты, достаток, жизнь. Одни из них скрывались и притягивались. Другие топились покаянием, донести на товарищей, присягнуть новой власти. Но важнее всего было понять, что движет новых людей, вошедших в министерские кабинеты, заселивших правительственные резиденции, украшавшие центр Баку. Хотелось увидеть Сурета Гусейнова, И, конечно, Гейдара Алиева.

Он принял меня поздно ночью в огромном кабинете

Верховного Совета. За его спиной стоял штандарт государственного флага республики. На столике — золотые арабески с сурами Корана. Тут же — батарея цвета слоновой кости правительственных телефонов с гербом СССР.

Я знал, что уже неделю он спит не более четырех часов в сутки. Мне навстречу поднялся сухой, гибкий в талии человек, без следов утомления. Его сухая ладонь в рукопожатии была теплой и крепкой. Продолговатое лицо покрыто загаром и не кажется лицом старика. На нем дорогой, прекрасно сшитый костюм, Галстук, не копированный, не чиновный, а очень светский, нарядный, затянута сочным узлом. Глаза блестящие, быстрые, с цепкими, моментально загорающимися зрачками. И во всем его облике чувствуется артистизм, способность моментально угадывать собеседника, улавливать его настроение и замыслы.

И еще — в кабинете не было запаха табака, а тонкий, едва уловимый аромат дорогого одеколона.

После нескольких первых любезностей я попросил позволения включить диктофон. Вот запись нашей беседы.

А. П.: — Гейдар Алиев, теперь уже ясно, что еще один период в новейшей истории Азербайджана закончен. Полторагодовое «картостановление» Народного фронта завершилось как бы в одностороннем. Оно растаяло, словно дым. Как вы это объясняете? Чем был этот период для Азербайджана?

Г. А.: — Это было разрушение республики. Они разрушили все: хозяйство, мораль, психологию. Самое страшное — люди перестали трудиться. Исчезла сама возможность труда. Вы знаете, в Ленкоране на пустырях, в пустыне мы создавали величественные овецные плантации. Это место называлось «всеобщим овецным городом». Там созревали замечательные ранние помидоры, огурцы, баклажки культуры, и все это посылалось в Норильск, на Урал, в Москву. Республика получала колоссальный доход, а индустриальные центры России — замечательные овощи. Помню, президент Фиалили Урух Кенкенен приезжал в эти места на отдых и восторгался плантациями. Где они? Все заброшено — опять пустырь и пустыня. Люди без работы. И я выноград. Алексей Николаевич Косыгин очень помогал выноградарию. Мы довели производство винограда до 2 миллионов тонн в год. Апшеронский виноград — самый сладкий из всех сортов, что я знаю. На Апшероне сухие, огненные песчаные почвы, виноград ложится на эти горячие земли и выживает его жар, его сладость. Все погибло! В этом году мы соберем едва 400 тысяч тонн...

Люди перестали трудиться, а чтобы прожить, занялись мелкой торговлей. Иран купают мелкими партиями какой-нибудь никемный товар и торгуют. Но не провозят! Напомню вам астал Сумгаитский — химический! Резко упала добыча нефти. Пришедшие к власти — не хозяйственники, не управленцы, не политики! Младшие научные сотрудники, писатели, они не понимают государственности. К тому же они несправедливы, а кончили по павильному яростности! Народ разочаровался в них!

Только развешают на дорогах «мерседесы» и говорят, говорят, говорят! Много безнравственных, много прямых воров!

И, конечно, Карабах! Они не выиграли этой войны, они не погасили конфликт политически! Мы потеряли много селений, много земель! Вчера у меня был один председатель колхоза. «Конечно», — говорит, — ужасно, что мы потеряли там тысячи голов скота, тысячи гектаров земли, но самое страшное — мы потеряли могилы наших отцов! На этих могилах враг празднует свою победу!

В феврале я встретился с Эльчибеем. Мы говорили восемь часов. Я сказал ему: «Такая политика обречена!» Он заявил легкомысленно: «Мы учимся управлять. Пусть опытные наберут опыт».

Если не наберут, мы их заменим и заменим. Я сказал: «Разве можно экспериментировать над народом?» Это кончилось прямым преступлением в Гяндже, кончилось кровью. И народ их отверг!

А. П.: — Я знаю, в Нахичевани, в крохотной республике, вам удалось сохранить порядок, сохранить достойный уровень жизни. Чем для вас было ваше, если так можно выразиться, «нахичеванское изгнание»?

Г. А.: — Один из новоявленных лидеров Народного фронта заявил по телевидению: «Если надо, я поеду в Нахичевань и лично Алиеву пулю в лоб!» На меня два раза организовывали покушение, два раза хотели убить. Не удалось! Ради того, чтобы расправиться с Алиевым, они устроили блокаду Нахичевани. Нас лишили поставок продовольствия, нефти. Отключили всю энергетику. У нас началось голод и голод. Младенцы умирали в больницах. Люди стали вырубать сады на топливо. 70 процентов фруктовых деревьев было вырублено, чтобы обогреть жилища. Но я выжил, и народ выжил.

У меня сложились дружественные личные отношения с иранскими и турецкими руководителями. Президент Ирана прислал в Нахичевань свой самолет, я полетел в Тегеран и договорился о помощи. Мы построили ЛЭП и стали получать энергию из Ирана. Так же и топливо, и продовольствие... Президент Турции Демирель сам предложил мне кредит 100 миллионов долларов. Также прислал свой президентский самолет, и я побывал у него в Анкаре. Я построил дорогу в Турцию, но через реку и наладил снабжение товарами. Но мое главное достижение — я избежал вооруженного конфликта с Арменией. Было очень острое положение, были крайние моменты, но я нашел выход, и крови на нашей земле не было. Я жил очень скромно, умеренно, в тяжелых бытовых условиях, как и мой народ. Но мы выжили и сохранили благополучие. Ко мне часто приезжали люди из Баку, уговаривали вернуться в политику. Но я не хотел. Не хотел выныривать в политику Народного фронта, которая вела к катастрофе...

А. П.: — Но ведь вы сейчас лидер партии «Новый Азербайджан». В ней, я знаю, уже 100 тысяч человек. Вы все-таки вернулись в Баку, выехали в политику, и вместе с вами — ваша партия?

Г. А.: — Я приехал сюда не как лидер партии. Я приехал сюда с огромной, неохотой, не сразу под большим давлением не столько людей, сколько обстоятельств. Я приехал сюда, когда понял, что мой народ стоит на пороге гражданской войны. А это конец народу, конец государству! Я не мог не приехать. Повторю: я приехал сюда не с партией, а один, по зову собственного сердца, чтобы помочь моему народу избежать самого страшного.

А. П.: — Я знаю, вас звали лично Эльчибей. Вас призвал Народный фронт. И теперь вы его устранили из политики. В этом нет противоречия?

Г. А.: — 4 июня произошли события в Гяндже. Преступники пытались разоружить корпус Сурета Гусейнова, пытались его убить. Не вышло! Танки Сурета двинулись в Баку. Эльчибей понял, что проиграл, потому

что офицеры армии и МВД отказывались воевать с Суретом. Народный фронт понял, что приходит конец и народ их просто растерзал. Тогда Эльчибей решил пригласить меня, чтобы я спас положение. Он звонил мне в Нахичевань, но я не брал трубку. Он снова звонил, но я не брал. 7 июня они из Баку прислали за мной самолет. Но я отправил его обратно. 8 июня они опять прислали самолет. Я разговаривал по телефону с Эльчибеем и отказался приехать в Баку. 9 июня войска Сурета находились в 100 километрах от Баку. Его люди были оскорблены, говорили: «Если придем в Баку, будем вешать преступников на фонарях!» Эльчибей снова прислал за мной самолет, умолял прилететь. Я согласился.

Я приказал приостановить контракты с крупнейшими мировыми нефтяными компаниями, показавшие мне сомнительными. Поднялся большой шум в мировой печати. Я принял представителей компаний и сказал: «Это не расторжение контрактов. Мы проведем экспертизу, и если она выявит взаимную выгоду, контракты получат развитие».

А. П.: — Гейдар Алиев, вам 70 лет. Вы умудренный жизнью политик, со своим особым опытом, особой жизненной драмой. Сурету Гусейнову 34 года. Он в политике новичок. Его вынесла на высшие роли в стране национальная трагедия, война. Как вы взаимодействуете? Как сложились ваши психологическое взаимодействие, совместная политическая практика?

Г. А.: — Сурет Гусейнов — храбрый военный. Он обладает диктаторством в вооруженных силах. Солдаты, офицеры ценят в нем отвагу, волю, чувство справедливости. До этого он был директором крупного завода в Гяндже. Значит, он производственник, знает проблемы экономики. Я предложил ему пост премьер-министра и уверяю: мы будем работать локтями к локтю. Я буду делиться с ним всем опытом, которым располагаю. Но, конечно же, главная проблема для нас — это опытные работники, умные, честные специалисты.

Та команда, с которой я работал десять лет назад, исчезла. Одни ушли из политики, другие изменились необратимо. Где взять помощников? Где взять людей, готовых работать день и ночь на благо Азербайджана?

Я возвращался от Гейдара Алиева в третьем часу ночи. Ехал по ночному Баку мимо постов, где солдаты с автоматами проверяли документы. Пустынным, безлюдным казался этот прекрасный город на берегу Каспийского моря. На карабахском фронте в окопах под туманными звездами дремали солдаты. На свежих могилах высалась земля. Измученная республика полыхала, краткой ночью, чтобы отстрелиться от дневных тревог и трагедий.

Я думаю, что люди, призывавшие открыть своей Родины оплотню страну СССР, не могут в одностороннем оторваться от Родины. Москва, Баку, Ереван, Киев — города, где живут соотечественники, пусть на время обманутые, оскорбленные, отчужденные друг от друга, но дети одной великой страны, братья по одной истории.

Еще я думаю о том, что процессы в Баку напоминают процессы в Москве. События Азербайджана должны быть тщательно и быстро изучены, из них патристы России должны извлечь немедленный урок.

Я старался понять существование высокого человека, оставшегося в ночном кабинете. Его немыслимые мысли, непроявленные тревоги, не разгаданные мною замыслы.

Уже ночью, почти под утро, с балкона отеля я увидел, как промчался по улице полицейская машина с флюгелюлетой вспышкой, черной лакированной «мерседес» и автомобиль с охраной. Гейдар Алиев покинул резиденцию для краткого четырехчасового сна.

Александр ПРОХАНОВ. «ДЕНЬ», № 28, 1993 г. (Продолжение следует).

УРОКИ АЗЕРБАЙДЖАНА